

Статьи

М. А. Корчагиной

о военном времени

на Сейме

(публикации разных лет из газеты «Знамя»)

М. А. Корчагина, пионеры провожают на службу летчика В. Ф. Затылкова, побывавшего в отпуске в Решетихе. 1946 год.

Военнопленные на Сейме

КОРЧАГИНА М. Военнопленные на Сейме // Знамя. – 1992. – 25 января. – С. 2.

«Мне снится земля, где я был заключённым» – заголовок рассказа Хайнца Шалова о его лагерной жизни в Сибири, напечатанного в «Комсомольской правде». Под впечатлением прочитанного вспомнилось и захотелось рассказать о лагере немецких военнопленных на Сейме, где мне пришлось прочитать несколько лекций о системе народного образования в Советском Союзе.

Лагерь располагался в бараке возле кладбища. Немцы известны как народ до педантичности аккуратный, а это было видно и в самом помещении, и возле него – всюду господствовали безупречная чистота, идеальный порядок. Возле барака – цветочные клумбы, расчищенные и посыпанные светлым речным леском дорожки – все радовало и успокаивало глаз, на всем видна была забота о временном вынужденном пребывании в чужом краю.

Подкупало и уважение к месту вечного успокоения чуждых им людей: на кладбище не выбрасывали мусор, как это делают его нынешние соседи.

Работали пленные в основном на мельницах. Трудились они как-то обстоятельно, неспешно, но споро. Наблюдать их труд мне пришлось еще в 1945 г. в Вольске с пристани, на погрузке цемента. По первому впечатлению работали они лениво, размеренно, а груды цемента росли быстрее, чем у наших беспорядочно и торопливо бегавших грузчиков.

Ходили на завод дважды в день (перерыв на обед и дневной сон) под нестрогим конвоем, вольным строем, но с песнями – никогда. А когда невзначай видели в транспортном цехе наших мукомолов, затаривавшихся казенной мукой (был такой грех, время было послевоенное, голодное; рабочие, привязав к животу набитую мукой «берданку», утрамбовывали ее толчками об стену), насмешливо, но беззлобно кричали: «Рус, рус, цап-царап?» Воровство у самих себя было им странно и непостижимо.

Принимали меня сдержанно-приветливо. В лагере осязательно резко намечалась грань между офицерским и рядовым составом. Рядовые обычно располагались поближе к лектору, слушали доверчиво, заинтересованно, много расспрашивали о русских детях, видимо, скучая о своих, что остались в Германии. Офицеры держались обособленной кучкой, слушали со снисходительным вниманием, со скрытой досадой, вопросы задавали каверзные, с явным желанием сбить лектора с толку. Готовиться приходилось тщательно, читать осмотрительно.

После лекции «элита» обычно величественно удалялась, а простой народ провожал до выхода, не отпуская переводчика, расспрашивая о семье, о работе, об интересах и занятиях. Во всем этом чувствовалась тоска о мирной жизни, о дома, о родине.

Однажды тоска эта проявилась зримо. В клубе шёл замечательный трофейный фильм «Леди Гамильтон» на немецком языке с построчным переводом. В зале у меня было постоянное «фаворитное» место, где я оказалась в соседстве с военнопленными, пришедшими под конвоем на вечерний сеанс. Когда погас свет, и полилась с экрана их родная немецкая речь, мои соседи заволновались, послышались всхлипывания, прорвались сдержанные рыдания. Это было так неожиданно и трогательно, что у меня в горле застрял какой-то комок жалости и сочувствия, вроде бы и недопустимого по отношению к недавним нашим недругам, но вполне понятного: ведь они тоже были люди.

Спрашиваю себя, вспоминая те очень неласковые тяжелые годы: а не лишаемся ли мы в наших усложнившихся общественных отношениях простого человеческого взаимопонимания, взаимоуважения, сочувствия и сострадания, которые делают нас людьми!

Любимые мои ученики

КОРЧАГИНА М. А. Любимые мои ученики // Знамя. – 1990. – 25 апреля.

Подходил к концу страшный 1941 год. Уже стали приходиться в школу фронтовые письма выпускников, горестные вести о павших в боях – тех, чьи имена сейчас золотом блестят на обелиске перед Володарской средней школой. Десятиклассники 41-го уже поработали на оборонных заводах Дзержинска, на Пырских торфоразработках, на заготовке топлива для школ и больницы, на оборонительном рубеже, пережили вражескую бомбардировку и проводили на фронт друзей. И вот очередь дошла и до них. На прощальном вечере все они держались стойко, только Алеша Виноградов не мог сдержать слез: «Я вас не подведу, я выстою, но я не вернусь!» И не вернулся... Где-то далеко, в безвестных могилах, в районе жестоких боев остались Виктор Дербенев, Михаил Трубнов, Александр Горбунов и отважная дивчина Сарвилла Бровина, снятая со своего снайперского поста шальной пулей фашиста. Недожили, недолюбили...

Это был мой первый в жизни выпускной класс, «первый военный, образца 1942 года», как окрестили его мои ребята, которыми вот уже 48 лет я не перестаю удивляться и восхищаться.

Они ездили в школу со станции Горбатовка, ходили пешком с поселка Юганец, стояли в нудных ночных очередях, нетерпеливо ждали большой перемены с нищим кусочком пеклеванно-ржано-овсяного хлеба, бережливо донашивали скудную одежду и обувь, и при всем этом заинтересованно и старательно учились, верно дружили, чисто любили, были по-детски наивны и любознательны, шаловливы и изобретательны в школьных играх и приключениях. Им были чужды жестокость, распушенность, хотя и не были они беспорочными ангелами. Им, конечно, были свойственны жизненные просчеты, срывы и ошибки, маленькие хитрости и уловки, но главное, в них была любовь к Родине, преданность партии, гражданская зрелость и добропорядочность.

Володарцы могут судить об этих людях по знакомым именам: С. М. Морозова – врач-стоматолог Володарской поликлиники, преподаватель биологии К. В. Малец... Можно назвать и многие другие имена. Но главная речь сегодня – об уцелевших фронтовиках, которым дежурные обличители додумались приписать бедность мысли, страх и покорность перед властями, ограниченность возможностей и неприкаянность существования, по-ремарковски назвав их «потерянным поколением». Не верьте этим досужим вымыслам! Присмотритесь пристально к послевоенным судьбам участников и победителей в тон великой войне.

Женя Ннколашин после войны был вожаком володарской комсомолки, служил в армии, окончил высшую партийную школу заочно, ушел на пенсию в звании полковника с должности замполита Горьковской межобластной школы МВД. Какой это был принципиальный коммунист, деловой работник, прекрасный семьянин. Вместе с женой – своей одноклассницей Кларой Катункиной, они вырастили двоих сыновей, пестовали внуков. Женя и после войны оставался душой своего класса, организовывал встречи школьных друзей, заражал всех своим дружелюбием, азартом. Сколько на его недавних похоронах услышала я добрых, почтительных благодарных слов от его друзей, родных, сослуживцев.

Саша Колов – инженер-строитель. Он соединил свою судьбу с фронтовой разведчицей Зиной Прудовской. Уже на пенсии получили они в наследство домик в бесперспективной деревеньке, своими силами его благоустроили, восстановили сад и огород на приусадебном участке, завели пчел. Ну чем не образец предприимчивого хозяина периода перестройки! Побольше бы таких.

Две подружки без отрыва от учебы окончили курсы медсестер и сразу после выпускного вечера были призваны на фронт и спасали жизни воинов до победного окончания войны. Маша (Мария Савельевна Юрлова) много лет добросовестно трудилась в бухгалтерии районной больницы, одна справлялась с трудностями и невзгодами, одна поднимала детей. И никогда Марин Савельевна не жаловалась, не пеняла на жизнь. Душевной силе,

серьезному отношению к жизни, скромности и выдержке этой милой женщине можно только завидовать. Подружка Маши – Аня Сычева воевала семейно. На фронте были отец, брат, сестра и зять. После войны Аня окончила сельхозинститут. И там ее все любили и уважали, с ней на курсе советовались и в группе, где училась, и в партийной организации, членом которой она была. Потом... Много было потом. Была ответственная партийная работа, позднее короткое замужество и раннее вдовство. Как, казалось бы, тут не сломиться, не пасть духом? Но Анна Долматовна Аминова не поддается даже старости: всегда деятельная, всегда в курсе общественной жизни, собранная – просто эталон деловой современницы.

Вот какие они – любимые мои ученики: жизненно стойкие, верой и правдой послужившие своему Отечеству. Расчищать завалы истории, конечно, необходимо. Но допустимо ли при этом действовать совком и лопатой, забрасывать историческим мусором военную страду, тыловой труд, высокое понятие гражданского долга, чести и совести молодого поколения тех героических лет.

М. А. Корчагина, местные жители, летчики ЗИАПа

Дети военного лихолетья

КОРЧАГИНА М. А. Дети военного лихолетья // Знамя. – 1995. – 25 апреля. – С.3.

Память учителя всегда обращена к детям. Вот они, бесконечно далекие и милые, на потускневших фотоснимках той незабываемой поры Великой Отечественной. Полустертые в старческой памяти лица, полузабытые имена. Но стоит только всмотреться, как возникают факты, события, характеры.

Вот фронтовики: юноши и девушки, погибшие на кровавой ниве и безвременно скончавшиеся в мирные годы. А вот ныне живущие – дедушки и бабушки – ветераны Второй Мировой (нынешние остряки нередко бездумно, оскорбительно называют их «недобитками»). Память цепко держит все имена, но рассказать о каждом невозможно, а выделить некоторых – бестактно. Отдадим им высшие почести в светлый праздник Победы и не обойдем вниманием повседневно: они заслужили заботу и помощь. А вот о тех, кто оставался в тылу, расскажу.

Женя Паршин – единственный мужчина в выпуске 1943 года. В десятом классе оказался потому, что перешел в него из восьмого, самостоятельно освоив за лето программу девятого, чтобы, если уйти в армию, то с законченным средним образованием. Саша Янович, эвакуированный из Ельни, в одиночку, когда все местные десятиклассники, выполнив задание по заготовке дров, разбежались кто куда, все лето 1943 года работал на школьной делянке в Сеймовских гривах: валил деревья, чистил, пилил, укладывал – и все за рабочую продовольственную карточку и обед в столовой. Четыре друга в выпуске 1945 года: Костя Солдатов, Лева Бобиков, Сережа Кузнецов, Толя Морозов – активисты и заводилы – школьную дружбу пронесли от парты до безвременной могилы.

Не знаю, как Лёва, а остальных уже нет: сказались лишения военного детства. Надя Маслова с шестого класса каждое лето работала в совхозе наряду со взрослыми колхозниками. Выполняя нормы, она обеспечивала семью продуктами, заработанными на трудодни. Валя Генералова – золотая медалистка – обучение в десятом классе совмещала с ночным дежурством в конторе мельзавода. Альвион Звонков и Август Чикмарев – участники войны, пришедшие в 10 класс с фронта, один с простреленным коленом, другой после туляремии. Повзрослевшие и много повидавшие, они не задавались, не выделяли себя и не чувствовали себя «потерянным поколением», усердно учились, уверенные, что определятся в жизни. Чтобы так же коротко рассказать о каждом, нужна толстая книга, а не газетная страница. Простите меня, остальные, попробую вспомнить обо всех вместе.

Скуден был военный быт. Триста пятьдесят граммов не поймешь какого и с какими примесями хлеба, столь же тощий приварок из домашней картошки и овощей (если они есть) и грубых круп по карточкам (овес, кукуруза, пшено) и десять граммов сахара (если они достались). Очень редко мясо, конская колбаса, сало «Лярд» ... На одном из выпускных вечеров главным лакомством были белые сухари без нормы, где-то добытые родителями. Через силу ели «подыханки» из горелого зерна. Поношенная лицеванная-перелицованная одежда, разбитые ботинки, подшитые валенки – таков повседневный наряд, да и праздничный не богаче! кашемировое платье, грубошерстный костюм. Вот только белый воротничок «навыпуск» был неизменным и обязательным украшением. И как только ухитрялись матери одевать детей опрятно, ведь и мыла-то в достатке не было.

И школа не щедра была на комфорт, особенно зимой, когда стояли морозы, а топлива не хватало. Бывало, сидели на уроках в пальто, шапках, в платках и варежках, замерзали чернила. Сущим бедствием было, когда промерз под землей водопровод и «по нужде» приходилось бегать в клуб или во двор столовой. Не хватало (один на троих-четверых) или совсем не было учебников, уроки записывали со слов учителя в тетради, которых, впрочем, тоже не было, выпрашивали из архива мельзавода старые конторские книги, а то и в обыкновенных потрепанных и ненужных писали между строк. И удивительно, что при всех лишениях учились дети в эти годы хорошо, хотя частенько «кемарили» на уроках, простояв

в ночных очередях за хлебом или продуктами. Много читали сверх школьной программы, наизусть учили стихи, готовились к продолжению образования в высшей школе.

А сколько физического, далеко не детского труда выпадало на их долю! Еще ничего, если дрова или торф были рядом – отдыхали дома, а вот на Пырских торфоразработках надо было скученно жить в бараке или в палатке, самим носить воду, готовить еду, колоть дрова, собирать хворост, чинить расплывающуюся одежду и обувь. Еще тяжелее было на оборонительном рубеже, где все делалось вручную – ломом и лопатой по мерзлой земле. Отдыхали в деревянных избах, спали вповалку на полу. И в школе работы хватало. Но все выносили наши неунывающие дети. И складывались в этом общем труде и общих невзгодах крепкие классные коллективы, где в цене было общественное мнение, товарищеская требовательность и взаимопонимание, молчаливое сопереживание при извещениях о потере близких на фронте.

А жизнь брала своё. Повзрослели и посерьёзтели дети, но все равно оставались детьми со своими незлобными затеями и шалостями, играми и увлечениями. У старших в ходу были шахматные турниры, славились свои чемпионы. Младшие, кучами лежа на полу, щелкали «в лобки». Промерзнув на уроках, в перемену поднимали возню и беготню, от которой ходуном ходили полы и сыпалась со стен штукатурка. Весной убегали с уроков купаться, покататься на лодке в половодье и всегда они могли «смотреться» в клуб на первый сеанс (на вечерние туда не пускали). Десятиклассницы постарше ходили на танцы, что считалось предосудительным. В кино ходили коллективно: легче было достать билеты, а потом с интересом поделиться впечатлениями. Любили все и школьные вечера (телевизоров и «видиков» еще не было), где практиковались подвижные игры (ручеек, третий лишний, веревочка), водились хороводы (каравай, зайка, со вьюном, все цыгане), где танцевали «под язык», если не удавалось найти гармониста. Пели песни хором и соло, читали стихи, разыгрывали сценки. Здесь скреплялась дружба, возникала влюбленность, завязывались романы, позднее завершившиеся семейными союзами на всю жизнь.

Дети военного лихолетья! Это вы подставили свои детские неокрепшие плечи под трагедию отступления и триумф Победы. Это вы – рабочие и колхозники, мукомолы и птицеводы, учителя и врачи, архитекторы и строители, народные судьи и милиционеры, ученые и военные, химики и атомщики, скульпторы и художники, агрономы и культработники – обустроили разоренную войной Родину, кормили, одевали, обували, лечили людей, учили и воспитывали детей, украшали наш быт, развивали науку и технику, держали оборону и мир, защищали права человека и обеспечивали порядок все эти пятьдесят лет. Это вы рожали и поднимали на ноги новое поколение, продолжали жизнь на земле.

Здоровья вам и спокойного почетного долголетия. Низкий поклон и спасибо за то, что вы жили, за то, что сделали. Пусть никогда не увядает ваш жизненный пример, не гаснет блистательная слава!

Шла страшная война

*КОРЧАГИНА М. Для кого закон не писан? //
Знамя. – 1995. – январь.
[Отрывок]*

Осенью 1941 года фашистский самолет сбросил бомбы на Сейму. В школе шли уроки второй смены. В деловой тишине где-то рядом сокрушительно грохнуло, задрожали окна, посыпалось стекло. По всему зданию простонал испуганно не то вздох, не то вопль, просыпался дробный топот ног, тревожные возгласы, детский плач. К выходам пробежали военные из расквартированного в школе узла связи. Они задерживали вырвавшихся из классов детей, остерегая, что, сбросив бомбы, немец может строчить из пулемета по людям. Взволнованные учителя, строили детей для вывода в бомбоубежище. В первом классе старенькая учительница, стуча ладонью по столу, убеждала малышей не реветь, не замечая своих стекающих по морщинам слез.

Враг улетел, оставив ужас и разрушение. Дети группками разбежались по домам. В сумеречном воздухе зябко сияла зловещая тишина. Невдалеке тревожным низким огнем горели элеваторы хлебной базы...

Наутро в школу в обе смены из полутора тысяч учеников явилось семнадцать. Уроки не состоялись. Учителя отправились по своим участкам собирать школьников, убеждать родителей. Только на третий день после бомбежки школа работала в полном составе. Шла страшная война, на фронте решалась судьба Отечества, а в тылу жестоко и безотказно действовал закон о всеобщем обязательном обучении, изыскивались возможности для помощи одеждой и обувью остро нуждающимся и семьям фронтовиков, все школьники получали дополнительные 50 граммов хлеба и 10 граммов сахара...

Те ужасные дни

КОРЧАГИНА М. Те ужасные дни // Знамя. – 1995. – 20 апреля. – С.3.

Знакомые до боли в сердце имена... Репортаж о встрече тружениц тыла оживил в памяти те далекие дни и вызвал неумное желание поделиться и своим, в годы Отечественной войны пережитым.

...Отшумел выпускной бал в школе. Оформлен отпуск, и на 23 июня взят билет на поезд до Москвы, где предстоит свидание с самым лучшим человеком на свете. Иду с речки с корзиной белья и счастья, а из окна необычно взволнованная сестра: «Никуда не поедешь – война!» А я все-таки еду. В вагоне сна нет: на каждой станции в открытое в душную ночь окно доносится женский плач и причитания, прощальные возгласы и наказания: города и села провожают на фронт мобилизованных.

Утром мы встретились. Днем мы с братом познакомились с его родителями, а вечером всё вместе провожали его в действующую армию. Провожали, чтобы никогда уже не встретиться. Потом я долго не могла уехать домой. Каждое утро с Таганки на Курский бегала «отмечаться» (номер в списке – 1418), очередь таяла нестерпимо медленно, и только после двухнедельного мытарства возле билетных касс уехать помогло депутатское удостоверение.

Москва была встревожена и беспокойна. Люди кучились вокруг громкоговорителей, обсуждали известия с фронта, спорили, предполагая развитие событий. Преобладала уверенность в скорой победе, но после первых воздушных тревог ее сменила нервная озабоченность. В магазинах и театрах, где я коротала время и транжирила отпускную зарплату, было непривычно пусто, любой довоенный дефицит был доступен, как и билеты в театр.

Брат с женой решили отправить со мной «на всякий случай» на Сейму младшего сына. Как же убивалась, как безутешно рыдала мать, прощаясь с малышом! Материнское сердце не обмануло: она погибла осенью этого года нелепо и страшно при взрыве немецкого снаряда на учениях санитарного взвода. А еще через год наша семья переживала третью невозместимую утрату: погиб на фронте мой второй брат.

В переполненном вагоне нам удалось пробраться на верхнюю багажную полку.

Внизу не было живого места, ехали незнамо – куда первые беженцы, до поздней ночи слышались кошмарные рассказы о пережитых бедствиях, о наглости и жестокости врага.

Дома ждало непрошеное и нежелательное назначение на должность директора школы. И началась окаянная, беспредельная, напряженная «на нерве» работа: «Раз война оказалась неизбежной, все для войны» ...

Школа была перегружена. Учились в три смены. Но надо было и в тяжких военных условиях выполнять закон о всеобщем обучении при высокой успеваемости (второгодники стоят дорого, но «дутые» проценты не в традициях школы). Кроме этого надо было оказывать всевозможную помощь нуждающимся, особенно детям фронтовиков, проследить за получением и распределением школьных пайков (50 граммов ржаного или

пеклеванного хлеба). Надо было своими силами заготовить и вывезти топливо, при крайней нехватке людей («кадров») обеспечить нормальное отопление и водоснабжение, уборку и порядок. (Морозы, как нарочно, стояли лютые, водопровод промерзал, лопались на чердаке трубы центрального отопления). Еще надо было из ничего соорудить бомбоубежище на случай воздушных налетов, отрететировать эвакуацию в них учеников. Надо было и отправить, и устроить на месте старшекласников, мобилизованных на срочные работы на заводах, торфоразработках, в сельском хозяйстве. Надо было устроить учителей на квартиры, снабдить топливом по норме, помочь в отоваривании карточек, уговорить подписаться на очередной военный заем на полную или даже полуторную зарплату. (Бывало и так: поедешь в Дзержинск на совещание, принарядившись, а тут сообщение: безотлагательно (пока есть) выбрать обувь для нуждающихся. Выложишь зарплату, свяжешь шнурками детские ботинки, перекинешь через плечо модного пальто и шествуешь в таком виде через город). Это все, однако, для дела. А для души? Для души надо оторвать от сердца призванных на фронт ребят, при всем военном нищенстве памятно и достойно проводить, собрать и послать к праздникам подарки, теплые вещи, ответить на письма с фронта, пережить и разделить с родными горестные извещения о безвременной гибели. И еще надо было побаловать школьную детвору вечерами с играми и танцами, новогодними елками и маскарадами, билетами в кино. Надо, надо, надо... (Кто-то на встрече выпускников военных лет спросил: «И как вас на все это хватало?»).

Дома было шумно и тесно, голодно и весело. Всю войну у нас жили полуосиротевшие дети братьев, их надо было накормить, обстирать, проверить у них уроки, побранить, утешить. От голодовки спасала корова – предмет заботы постаревшей мамы и наших хлопот по заготовке кормов. И опять: надо, надо...

И при всем при этом жизнь шла своим чередом. В клубе переполнены кинозалы. Все праздничные собрания, спектакли и концерты самодеятельности проходили при большом количестве народа. По выходным организовывались многолюдные танцы, где приехавшие на пересменку летчики флиртовали с местными барышнями. И справлялись свадьбы, и рождались дети, и пелись чудесные песни. И была долгожданная, выстраданная победа!